

Странности отчуждения *Памяти Александра Павловича Огурцова*

Неретина С.С.

В четверг 21 мая 2015 г. в Институте философии РАН мы провели круглый стол – памяти Александра Павловича Огурцова.

Когда я продумывала тему конференции, то думала, конечно, не о вселенских акциях, связанных с борьбой за свободу, с попытками достижения свободы, а о малозаметных повседневных действиях - человеческих, характеризующих его как философа - изначально свободного человека, которому нет необходимости как-то особенно это выражать. Саша – книжный человек. Утыкался в книгу как в то, что энергически концентрировано человеком, как в пойсис - труд свободного человека. Книжное знание - не мертвое, как иногда думают, существующее вопреки некоей реальности. Достаточно вспомнить, что в древности такие поэмы, как "Илиада", могли быть источником знания, заменяющим все нынешние СМИ. Книга была синонимом знания, во всяком случае, так думали зачинщики «книжной sprawy» в 17 в. Это, конечно, особенный талант – чувствовать книгу как свободу, но и свобода чувствовала своего подателя: когда он врубался в спор и говорил откуда-то взявшееся нужное нечто, я, зная, что и когда он читал, удивлялась, откуда это взялось?

Потому книги - это его свобода, то свободное существование, где он не зависел ни от кого. Его «подписанство» (1968 г.) свершилось не по дружбе и даже не с мыслью о моральных основаниях, а по велению этой самой свободы, которая гораздо шире всех свобод, за которые мы боремся. Любая акция – один из ее феноменов. И в этом смысле – это один из самых свободных людей, который «торчал, где воткнул», ибо от себя не убежишь.

В силу такого понимания знания-свободы он был абсолютно чужд гордыни, но не своего отношения к старым мыслям и идеям. К нему вполне «применимы слова Аверинцева: «На своих предшественников я смотрю снизу вверх и поэтому вынужден быть резким, так как не могу быть снисходительным».

У нас был ежедневный семинар. С этим было связано наше совместное делание: наши книги – производное этого ежедневного семинара.

Когда организовывался наш Центр, он придумал название: «Центр методологии и этики науки». Я спросила: почему такое название. Он сверкнул глазами: к такому названию никто не придерется. А я вспомнила, как меня кривило от этого слова тогда, когда Гефтер пригласил меня работать в сектор методологии истории (в Институте истории АН СССР): «Что это такое? Я должна идти туда, откуда всеми способами пыталась уйти», - ибо в то время была одна методология: марксизм-ленинизм. Потом я подумала, что это - псевдоним разноглазия знания, теоретических путей знания, вариативности взглядов **на** и **в** познание. Гефтер сумел меня примирить с этим тугим словом. Но вспомнила я об этом тогда, когда уже в нашем Центре, стала появляться серия сборников: «Методология: от феноменологии к онтологии», «Методология и

антропология», «Методология науки и дискурс-анализ». АП издавела слал прлвет Млхаилу Яковлевичу, с которым работал тесно (мы там и познакомились). Название же нашего Центра стало заставкой для возможности выполнения не сугубо дисциплинарных задач, который решает каждый конкретный отсек института, а всех философских проблем. И мы жили с этим названием около двух десятков лет. Потому **неверно** считать АП методологом науки, как неверно считать и теоретиком науки. Он был **философом** второй половины XX в. – начала XXI в., века, привычно работавшего под разными псевдонимами, в том числе методологии. Жаль, что это оказалось не понятым. Года не прошло, пары башмаков не изношено: Центр с таким названием упразднен. Я бы его оставила хотя бы как мемориальный центр. Этот хитрый просверк глазом, характеристика жизни АП, – его философская характеристика. Если этого просверка не учесть – не учесть и необыкновенно гражданственной его позиции в каждом жесте, философском ли, политическом или повседневном. Ирония помогала ему в его бросках: он мог вонзить этот свой взгляд в любую проблему, в любой спор, отсекая пошлость и высокомерие.

Старая статья «Отчуждение» в свое время обсуждалась повсеместно. Уже после смерти АП мне передали соболезнование, пришедшее из Института философии, политологии и религиоведения Республики Казахстан, где было написано, что «в 1967 г. он защитил кандидатскую диссертацию “Отчуждение, рефлексия и практика”, многие идеи которой, особенно связанные с проблемой отчуждения, актуальны и поныне». Статья была опубликована в 1967 г., а память оставила по себе в 2014-м. Здесь важна, однако, дата появления статьи – 1967 г., за год до его исключения из партии в 1968 г., в которой было выражено многое, чем он жил. Философ пишет всегда как бы в последний раз. Написанное в этой статье современно. Это определяет и нашу жизнь, наши тревоги, наше пристрастное отношение к нынешней позорной и несправедливой жизни.

Этот свой труд он писал как настоящую исследовательскую статью для пятитомной «Философской энциклопедии» 1960 – 1970 гг. Об отчуждении было на тот момент написано крайне мало (кто-то написал: занимался модной в 1960-е годы темой, – этот кто-то ошибался. Помимо АП об этом писали либо до 1926 г., либо уже много позже: можно назвать троих: Ю.Н.Давыдова; И.С.Нарского и Т.И.Ойзермана).

Что же в ней сказано? Прежде всего, это превосходный историко-философский анализ проблемы, что всегда подкупает. К 1967 г. новая французская философия к нам заглядывала редко (у меня дома был по-французски «Ленин» Л.Альтюссера). М.Фуко («Слова и вещи») в русском переводе появился лишь в 1975 г. Но вот издан М.М.Бахтин, где проблема другого и чужого поставлена как проблема, при которой происходит процесс присвоения чужого слова в ситуации диалогической речи. В научно-исследовательских институтах редко, но читаются доклады о соотношении Я и другого, Я и чужого. Ставится Б.Брехт, писавший об остранении и заставивший вспомнить В.Б.Шкловского. Остранение - не отчуждение, но сопоставление ненароком случилось. Термин «остранение», использованный Брехтом, по-немецки звучал как «*die Verfremdung*», при обратном переводе на русский язык его смешали с марксистским *die Entfremdung* — «отчуждение». В подкорке сознания при мысли об «отчуждении» рядом стояло «остранение». И для АП это стало некоторой преградой. Он старался эту преграду преодолеть, пытаясь не смешивать две разные вещи. Факт отчуждения он

рассматривает как *парадоксальный* момент проявления «невыносимой силы» человека, по Марксу, который в такую же невыносимую силу превращает собственную деятельность, притом так, что эта деятельность становится господином его самого. Человек из активного субъекта превращается «в объект общественного процесса». (*Это очень важно для понимания действия современных СМИ*).

АП ставит акцент на то, что отчуждение характеризует, прежде всего, «овеществление» общественных связей, и он показывает способ такого овеществления через показ точек расхождения или преобразования, которые не снимают предшествующие процессы отчуждения от права: древнеримское выпадение людей, лишенных собственности, христианское грехопадение, а включает их в себя на манер стохастических элементов (вероятностных, угадываемых), конкурирующих внутри одной системы и не прекращающих о себе докладывать. Это, кстати, обусловило дальнейшую проблематику АП, связанную с *вероятностностью* мышления.

Но это привело и к сравнению отчуждения с острашением, предполагающем, что вещь видится как бы в первый раз и заново, и вовсе не обязательно ее принимать только в качестве **так сейчас** явившейся. Тем более что дело было связано с собственностью, на чем настаивал, кстати, и Шкловский, ссылаясь на рассказ Л.Н.Толстого «Холстомер». Смысл такого опосредования - в том, чтобы называть **своими** вещи, которыми не владеют, что, по меньшей мере, *странно*, но не менее и *чуждо* или *отчужденно*. Это проблема своего и собственности, нынешняя насущная проблема (ее остро в 90-е поставил В.В.Бибихин), но вяло, если вообще решаемая.

Именно в связи с этим ставится вопрос о разрушающем влиянии общественных антагонизмов на личность человека. Термин «разрушающий» здесь оценочный термин, фиксирующий определенное состояние, при котором «личность» вообще не обязана рассматриваться как нечто особое и уникальное. Тема тоже вполне современная. И дело не только в акте передачи определенных «прав личности политическому организму» - этим со времен Т.Гоббса не удивить. Можно оставаться личностью и без имущества, но вне политического пространства – вопрос, ибо политика - поле проявления личностной свободы. АП фиксирует точку слома: факт, что разрушение случилось, но стоит ли это делать и дальше, не есть ли это путь в безнадежность свободного существования? Он фиксирует момент появления такой безнадежности: *в условиях нового времени, когда все грезило свободой, проявляется «ее безличный и авторитарный характер»*.

Такие точки слома, по АП, обнаруживающиеся в любой эпохе, показывают не только то, что в любое время «люди, скрывая свои подлинные намерения, предстают друг перед другом в масках, общество превратилось в "собрание искусственных людей с деланными страстями"», но и **как** они это делают. Отчуждение – термин, заставляющий совершать подмену понятий, имен, определений. **Чем** и была обусловлена повальная псевдонимность XX в. (легче, наверное, перечислить тех, кто не пользовался псевдонимами, чем тех, кто ими пользовался с начала века), то, что называли когда-то «двойным сознанием», и прямая ложь XXI в., когда произошло то, что АП назвал банализацией понятий, т.е. их забвением и соответственно умопомрачением. Я повторю: дело происходит в 1967 г.

И смысл здесь именно в *методе* исследования, каждый раз новым, показывающем, как происходит перекапывание терминов, речевых оборотов, личных и социальных

связанностей. Поэтому Центр методологии и этики познания возник не случайно, АП никогда не переставал быть справщиком метода в этом смысле слова (не методологом), ибо метод непременно включал в себя ту за-ставку, которой не может не быть при условии постояннодействующего ученого незнания.

Что еще в этой статье осталось незамеченным? сопоставление М.Хайдеггера и Н.А.Бердяева, о коих в то время почти *не знали*, а потом не заметили тех, кто знал. Между тем, и Бердяев, и Хайдеггер - оба писали об отчуждении. Но если у Бердяева, - АП пишет со ссылкой на «Смысл творчества», - отчужденное бытие связывается с «кризисом гуманизма» и «возникновением машинной техники, разрушающей органическое отношение между человеком и природой», то Хайдеггер, для которого отчуждение – очевидно, не предметность, он и слова этого не произносит, - рассматривает *условия* появления отчуждения. Отчуждение для него - это «способ бытия в *условиях* общности, в *мире повседневных забот*; обезличивание человека, превращение его в функциональную единицу общества» он описывает как растворение человеческой "экзистенции" в *Ман* – отчужденных общественных нормах поведения и образа мыслей, -«используя общественные средства сообщения, используя связь (газеты)», где «каждый уподобляется другому... Мы наслаждаемся и развлекаемся так, как наслаждаются другие, мы читаем, смотрим и высказываем суждения о произведениях литературы и искусства так, как смотрят и высказывают суждения другие; но мы сторонимся также "толпы" так, как сторонятся другие; мы "возмущаемся" тем, чем возмущаются другие. Способ бытия повседневности предпосылает *Ман*, которое не является чем-то определенным и которым является все...»

Переход от Бердяева к Хайдеггеру и от Хайдеггера к Бердяеву, критика Хайдеггера осуществились в энциклопедической статье напрямую, поскольку сшибка позиций здесь была очевидна - только-только являющегося советскому свету Бердяева и только-только являющегося Хайдеггера, который, вскипев в 1960-е при вяло текущей оттепели, кстати, так и остался погребенным под ворохом доперестроечных и постперестроечных самооправданий, не дошедших, однако, до отвращения, до отрицания, до глубокого противостояния советско-коммунистической угрозы жизни как таковой, вплоть до 1993 г., когда друг за другом появились переводы Хайдеггера А.В.Михайловым, Библихиным, а потом и многими другими - вал переводов. Но тогда, в 1967 г. (на деле раньше) это было началом, с начала же преданным забвению – обращали внимание на что-угодно, только не на то, что составляло соль статьи.

Хайдеггер – имя, сломавшее старую парадигму анализа проблемы. Этот слом обнаруживается сразу же, при внимательном чтении. Именно чтение Хайдеггера спровоцировало исследование разных понятий, выражающих различные стороны отчуждения и их соподчинение, и это почти подчеркивал АП, настолько, насколько позволяли рамки жанра энциклопедической статьи. Эта кропотливая работа с понятиями – та школа, которую постоянно возобновлял АП. Выявляя специфику отчуждения, он показывал не только то, связало теорию отчуждения с теорией фетишизма, в частности овеществление, но и то, как является идея *falsum* (то, что мы пытались показать в «Реабилитации вещи»). Это ложное, фальшивое, ошибочное нам зачем-то оказалось нужно. То, что Поппер назвал теорией фаллибилизма, существовало

задолго до него в средневековой философии, у Аврелия Августина, фраза которого «fallor sum», «ошибаюсь, значит, существую» почему-то не вошла в список крылатых выражений, очевидно, из большой «любви» к средневековью. Подчас думается, что философия столь привлекательна для немногих именно потому, что теория лжи не способна удовлетворительно отвечать на вопросы об истине. А о том, как эта ложь претворяет правду, мы узнаем из нынешних СМИ.

Идея отчуждения странным образом оказалась актуальной и сейчас. 4 марта 2015 г., после похорон казненного политика Бориса Немцова на радиостанции «Эхо Москвы» С.Сорокина вела беседу с адвокатом Генри Резником, который определил современную ситуацию как «неконтролируемый подпольный терроризм». При этом он сказал: «Я бы прибавил тут хорошее слово немодного нынче Маркса – “отчуждение”, учитывая ту тяжелую ситуацию материальную, расслоение колоссальное, коррупцию, от власти у нас люди были отчуждены». Реально мы присутствуем при рождении новой ситуации, востребовавшей старое понятие для атомизированного общества. О том же говорил и историк-публицист И.А.Яковенко.

В свое время Бибахин в статье «Для служебного пользования» сетовал, «что когда ваш ровесник в Германии готовил докторскую диссертацию по философии... вы следили теперь за ним из ниоткуда, из темноты... То, что он делал на свету, изложенное вами, шло в далекие кабинеты и в закрытые отделы библиотек. То, чем вы занимались, было не философией, а только информированием...»

В случае с АП было иначе: он сам прорабатывал проблемы, прорабатывал *разрешенные властью* проблемы так, что они казались не разрешенными и неразрешимыми при разрешенности властью. Ситуация (не только для АП, но для всех, кто всерьез пытался понять, что такое марксизм, а в начале 1960-х даже и ленинизм, который некоторое время пытались отсоединить от сталинизма) парадоксализовалась тем, что этих, желающих всерьез разобраться, действительно эти проблемы интересовали. Тех же, кто считал марксизм единственно допустимым мировоззрением, интересовало лишь одно: чтобы новое прочтение не выходило за рамки установленных догм. Люди, называвшие себя философами или историками, будто не понимали, что возрождения сталинизма, наблюдаемого повсеместно сейчас, при новом прочтении того же Маркса могло бы не быть. В статье «История с методологией истории», посвященной истории краха сектора Гефтера, я писала, что реально марксизм окончился, когда был создан сектор методологии истории, самым появлением своим показавший, что есть *иные* методы анализа, чтения, рассуждения о жизни, истории, обществе. Но я хочу сказать, что реально сектор был разогнан (официально считается так) не из-за *опубликованной* книги «Историческая наука и некоторые проблемы современности», а из-за *невыходившей, но подготовленной к печати* - «Ленин и проблемы истории классов и классовой борьбы». Дебаты по поводу этой книги велись до ее выхода в свет. На одном из таких выступлений меня вежливо попросили не вести записей.

Так что статью «Отчуждение» нельзя читать как чисто академическую справку. Ею двигала сама наша тогдашняя жизнь, которую не прочтала наша современная жизнь.

Это статья о том, как «формируются *специфические формы ложного идеологического сознания* (от религии в собственном смысле до "светской" авторитарной идеологии)»,

---

как «классовое сознание превращается в институциональную идеологию, которая адекватно выражает волю господствующего класса, враждебного народу и» – внимание! – «демократической интеллигенции, но превратно отражает самую социальную реальность». Например, «увеличивается власть политических институтов над культурой (господство цензуры, консолидация органов печати в руках небольшой группы политиканов и т.д.), а также разрушительное влияние средств массовой коммуникации и пропаганды (печать, радио, телевидение и пр.), с помощью которых осуществляется психологическая обработка масс, навязываются идеологические штампы, стереотипы мысли и поведения. Возникает разобщенность внутри самой культуры: формируется так называемая "массовая культура", ориентирующаяся на эстетическую неразвитость обыденного сознания и закрепляющая ее».

В целом это – диагноз нашего времени, поставленный почти полвека назад.